

ДАЛИ

♦ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

2. ТЫКМА

НА ВЫСОКОМ, «нашем» берегу, сразу за Далими, начинались поля, если так можно было назвать маленькие—от трех соток до пяти гектаров—пространства, отвоеванные от лесов и болот.

Я не агроном и потому не стану говорить о том, какие урожаи давали эти поля. Если чего-то и добивался сибирский крестьянин, то лишь крепко унавоживая и проливая немало пота в процессе обработки земли.

Но были и такие земли, которые мои земляки не очень-то и уважали. Сколько бы они ни старались, к примеру, ухаживать за полями, расположенными у речки Тыкма, проку было мало. Зато народ любил ходить сюда за ягодами, особенно за смородиной, и никто не возвращался с пустым ведром. Наиболее опытные сборщики знали, где росли эти ягоды. Любили они затененные места, на склонах речушки-крохи, где-то там внизу бегущей к родному Озеру. А какая росла костяника по опушкам-березнякам тыкминских полей! А черемуха? Вкусней, пожалуй, ее не было нигде, если не считать иные деревья-родственники у соседей, куда мы тайно пробирались по вечерам. Но говорят, ворованное всегда слаще, хотя, застав нас, ребяташек, за этим занятием, дед основательно угощал крапивой, задрав штаны виновника. И невольно в этот момент думалось: не лучше ли сходить на Тыкму. И шли, хоть и вел туда неблизкий путь.

ГРИБЫ МЫ ОБЫЧНО брали в лесу, даже в так называемом междулесье, находящимся как бы в окольцевании двух дорог. Одна из них шла на Тыкму, вторая — к Гореловским воротам и далее в Курью. Замечательное место! И не заблудишься; куда-нибудь, на какую-то дорогу все равно выйдешь. Вперед отправишься, увлекшись, — наткнешься на изгородь, которая спасала дальние поля от скота.

Год на год не приходился, и поэтому мы знали, когда, где и что брать.

А какие грибы мы предпочитали?

Не так давно мне в руки попала книга Ф. Федорова, озаглавленная довольно неприятно «Грибы», изданная в Москве Россельхозиздатом в 1983 году с отличными иллюстрациями художника В. Юдина. Там, среди перечня и описания разных грибов, одно из первых мест занимает груздь.

С удивлением узнаю, что, оказывается, существуют растут грузди настоящий, желтый, дубовый, осиновый, черный, тополевый; перечный, пергаментный и даже собачий. И даны краткие их характеристики и где их искать.

А УЖ КОГДА УВИДЕЛ настоящий груздь нарисованным, как живой, то передо мной встала вся картина сбора этих грибов в наших дальневосточных лесах.

В урожайные годы мы собирали грузди таким образом. Отец брал в колхозе коня, запрягал его в телегу, на которую ставил анушительных размеров коробуху, и мы всей семьей — он, мать и я отправа-

лись на заветные места в лес. И начинали сбор. Груздей бывало так много, что их собирали, как картошку. Набрал полную корзину и высыпал в коробуху.

Нагрузившись, отправлялись домой. И там продолжалась не менее хлопотливая работа. Ведь грузди надо было все перебрать, очистить от прилипших на них кусочков мусора и грязи. А затем вымачивать несколько часов в холодной воде. Потом еще раз основательно прополоскать и лишь после этого солить.

Мать обычно не занималась взвешиванием соли, она уже знала на глаз, сколько надо, и никогда не ошибалась. Положит, помню, ряд грибов и на них всяких разных пряностей вроде смородины, хрена, укропа, чеснока, перца, а если есть, еще лаврового листа. Потом обернет чистой марлей деревянный кружок и на него — гнет. Иной раз груздей в той или иной кадке оказывалось мало (а мы собирали обычно по несколько кадок), то снова ездили добирать. А через месяц уже ели грибы.

Конечно, собирали мы и волнушки, боровики, березовики, маслята, лисички, опенки, рыжики, сыроежки. Но как-то старались не замечать валуев, зеленушек, скрипиц, свинушек, не говоря уже о сморчках и шампиньонах. Считалось, что и без того довольно. Но я думаю, что мы просто не знали да и не ценили их. Может, оттого, что можно было обходиться и другими, более знакомыми и лучшими по вкусовым качествам.

Позднее мне приходилось ходить множество раз за грибами (люблю это занятие), но, увы, рад, был любому более или менее съедобному грибу, которые можно жарить, засолить, замариновать. А груздь все-таки мне милее всех! Когда я вспоминаю его в сметане, с горячей наваристой картошкой, так и текут слюнки. Знаюки утверждают, что соленый груздь хорош и на закуску «под водку». Теперь я вроде бы не молод, мог бы рюмочку опрокинуть. Да где возьмешь, черт возьми, этот самый груздь!

А ЕЩЕ МЫ, РЕБЯТИШКИ в те годы первыми шагали на поляны, как только начинала поспевать земляника, собирали малину, а на болотах — морошку, голубику, бруснику, клюкву, а о такой редкой, но страшно вкусной ягоде, как княженика, я даже сочинил балладу.

Были у нас великолепные мастера сбора ягод и грибов. Одну из них, бабушку Анну Осину, Осиху, вспоминаю до сих пор. Маленькая, сгорбленная старушка, она была быстра на шаг, и те, кто согласился сходить с ней на болота, едва успевали отшагивать километры. А уж приведет она в такие места, что еле-еле унесешь и кузовок.

Но главное достоинство Осихи заключалось даже не в этом. Взгляните на карту страны, в то место, где в реку Иртыш впадает неглубокий Ишим. Там стоит село Усть-Ишим. В пятидесяти километрах или чуть больше от него по Иртышу и были наши Дали (чуть в стороне от реки, над Озером). А теперь переведите взгляд на север от реки. И вы убедитесь, что аж до самого Северного Ледовитого океана поселение — редкость.

Тогда, в тридцатые-пятидесятые годы, можно было спокойно шагать к океану за несколько тысяч километров, не встретив человека. Я это говорю к тому, что заблудиться на таких просторах запросто. Поэтому в наших походах за клюквой и другими болотно-боровыми ягодами мы всегда надеялись именно на бабушку Анну. Она выходила, кажется, из любого положения и неизменно выводила нашего брата, сорванцов, к дому: отправляясь с нею, никто и никогда не терялся, если уж сам не забирался черт знает куда. Но и то баба каким-то чутьем находила заблудившегося.

Семен Новопашин

ДАЛИ

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

3. В ШАЛАШЕ НАД ИРТЫШОМ

ВОДНОМ, ТАК И не законченном мною до сих пор стихотворении о родных местах, есть такие строки: «Я бы Ржавца, как державца, прямо в горницу провел». Усадил бы на самое почетное место и стал угощать самым-самым. Но сделать это при всем желании нельзя: Ржавец просто-напросто ручей по дороге из Далея на «наш» луг». Место, где надо было переезжать через Ржавец, топкое, и всякий, кому доводилось это делать на коне верхом, а тем более на телеге, спешил особо не задерживаться, так как и застрять недолго. Уж чего-чего, а грязи, воды и ила тут хватало с лихвой. И цвет их был какой-то необычный. Будто валяется где-то железо, ржавеет, и течет ручей с таким цветом воды.

Потому, видимо, и прозван Ржавцем. Он, этот Ржавец, брал начало из какого-то болотца, на середине которого еще посверкивало блюдечко воды. Поодаль были видны еще несколько его собратьев. Около них шумели камыши, росли телорез, осока и другие травы, которым «по душе» обилие влаги. А рядом со Ржавцем и его соседями, насколько хватал глаз, расстились луга, на которых было такое богатое разнотравье, которого я потом нигде не видел. Недаром же мужики поговаривали, что тут что ни покос, то копна. Конечно, они несколько преувеличивали, но не так уж и много.

О столь богатых угожьях знали и в колхозе и всякий раз покушались было на них. Выгода была прямая во всех отношениях: до деревни рукой подать — значит

по перевозимку можно сразу вывезти к скотным дворам, на сенники, да и коровы, поедая такое сено, сразу прибавляли удои.

Не дремали и сами люди. Только собираются бригады наряд послать, чтобы эти места выкосить, глядь, а там уже вся трава лежит, или — в валках, или уже застоговано.

ОТЕЦ ЛЮБИЛ КОСИТЬ у Ржавца. Обычно это делалось по ночам: днем он был на колхозной работе. Подросший до того момента, когда смог держать литовку, лет с десяти, я тоже, по мере сил, помогал это делать. И косил, и греб, копнил и даже метать на стога приходилось.

Имел тут свой негласный участок для косьбы не только отец, но и другие жители Далея. И не дай Бог кому-то нарушить это правило.

Сено, заготовленное таким образом, частенько исчезало в неизвестном направлении, и как бы потом его ни искали, не находилось. Придет нарушитель на сеновал к подозреваемому, кто вроде бы его сено «увел», а тот: мол, видимо, колхоз увез. А там попробуй-ка отыщи. Помычется-потычется такой, а на следующий раз другому закажет в обговоренных местах чужой пай выкашивать.

Славились добрым разнотравьем не только те места у Ржавца.

ЛУГА, НА КОТОРЫХ колхоз «Труженики» заготавливал сено для общественного скота, делились на несколько названий. Это был «наш луг», на левом берегу Иртыша, куда обычно ездили и потом, после работы, возвращаясь домой. Это нравилось нашим мамам: закончили дело, приехали домой, что-то успели по хозяйству, корову подоить, ребятшек обиходить, присмотреть, как они там, покормить, приласкать, быть может, хотя и мимоходом.

Нас же, мальчишек, этот луг совершенно не устраивал. Подумаешь, повозил копны, поподгребал прокосы, чтобы быстрее вялилась трава, сделал другие, по твоим силам-возможностям работы, и к вечеру — в деревню. Фи!

То ли дело Тайлакский луг, который находился на другом, правом, берегу Иртыша, напротив стана на «нашем лугу». Лошади, косилки и прочее, наиболее весомое, обычно переправлялось в другом месте, на пароме, который «ходил» через реку на правый берег.

Сенокосчики же переезжали на лодках. И там, на

лугу, жили неделями, пока длилась эта работа, трудная, выматывающая немало сил и нервов, если прибавить ко всем сложностям в самом процессе заготовки сена еще и гнус, комаров и паутов. Последние буквально заедали коней: бедные не знали, куда деваться от этих кровососущих тварей. Единственным спасением была ночь, когда отдыхало и это злое и ненасытное воинство. Но комары предпочитали опять-таки темноту и жалили и за себя, и за паутов. В конце сенокоса не давала житья ни людям, ни животным ненавистная мошка, мошкара.

И все же молодость брала свое. Несмотря на не легкий денек, парни и девчата собирались по вечерам на берегу реки, пели песни, звучали гармошка, гитара. И еще разводили огромный костер, около которого были все от мала до велика. И каждому было весело. Рядом, в метрах десяти, катил свои волны Иртыш. Иногда, сверкая огнями, проходили пассажирские пароходы. Не спеша тянули баржи буксиры. А как было славно спать в шалашах на свежем воздухе после трудов праведных и отдохновения у огня, который как будто снимал усталость! Как было приятно как бы случайно прикоснуться к девчоночьей руке, ощутить ее тепло, рассчитывая на взаимность. Жаль, что тринадцатилетняя Валюша Черных, моя первая любовь, меня не понимала.

ЕСЛИ ВТОРОЙ луг так называли по имени деревеньки, находящейся в нескольких километрах от нашего шалашного лагеря, то никак не пойму, в честь чего и кого звали еще один луг, Кильтово. Был он тоже на правом берегу. Но от Тайлакского надо было еще туда ехать и ехать. Там я был всего один раз, и он, этот луг, показался мне каким-то хмурым, неприветливым, хотя и там стояли точно такие же шалаша, как над Иртышом. Располагались они у Чертова озера, о котором ходили разные слухи. Говорили о невероятной глубине, о каких-то диковинных рыбах, которые поселились в его глубинах. Но те, кто осмеливался закидывать туда неводок или удочку, обычно добывали карасиков с мизинец.

И если я говорил о богатых укосах на «нашем лугу», (неплохи бывали и на Тайлакском), судить об этом относительно Кильтова не берусь: просто не знаю, что и как там растет. Во всяком случае из-за большой удаленности этот луг выкашивали, по-моему, как попадо, и большого проку от него колхоз не имел.

Семен Новопашина ДАЛИ

♦ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

4. ОСКОЛКИ ПАМЯТИ

СЕЙЧАС, КОГДА ВЫ узнали, что такое Дали, какие там красивые и богатые места, самое время познакомиться с людьми, с которыми наша семья жила со середины тридцатых, все сороковые и начало пятидесятых годов — время, о котором я и веду свое повествование.

Многих из моих земляков, тогда старшего, да и среднего, возраста уже нет в живых, умерли от старости, от болезней, погибли по собственной вине и от вина. Заметно поубавилось поколение и моих сверстников, детей военных лет.

Эти очерки не поминальный, в котором перечисляются все «от» и «до». Да обо всем и не расскажешь, о событиях, о людях, которые жили теперь уже в отдаленном от нас почти целым полувеком. Моя задача более чем скромна: как-то соединить осколки памяти, воскресить, в известной степени, что еще не забылось.

Начну с Курьи, где жил, начиная с полуторамесячного возраста. Почему? Как это случилось, поведаю в другой раз.

Из памяти, как кораблик на горизонте, выплывает дед Иван, конюх с огромной белой бородой. Он разъезжал по деревне на быстрых конях, обычно запряженных в сани или кошеву, розвальни ли. Мы, малышня, горохом рассыпались вдоль дороги, с нетерпением ожидали его появления: велико было желание прокатиться. И конюх никогда нам не отказывал в этом удовольствии.

А разве забудешь самых первых своих друзей — Толю Караваева и Вовку Плесовских. Себя я помню лет с трех, и они, эти мальчишки постарше, всегда были рядом, играли вместе. А чуваша Артемку, немцев Сашку и Андрейку, белоруса Сашку, татарина Кобурка?

Надо сказать, что людей разных национальностей в наших краях было и есть предостаточно. Я уже не говорю о татарах. В среднем Прииртышье, том же Усть-Ишимском районе, обычное явление, что русские селения перемежаются с татарскими, и никого это не удивляет. Единственное преимущество татар, что они живут на этой земле дольше русских, и потому заранее заняли наиболее удобные места. Чаще всего возвышенные, неподтопляемые вешними водами, богатые рыбой, зверьем и прочими дарами тайги. Кто приехал, поселился попозже, оказался в положении все-таки менее выгодном. Жили татары и хомута. Вяз у оглобли со-

в русских селах и деревнях, и я не помню сколько-нибудь серьезного случая, чтобы между нами были какие-то распри. Естественно, что одни рассказывали байки, анекдоты про других. Те не оставались в долгу, но в любой татарской семье, какой бы бедной она ни была, для русского всегда был чай и традиционные их лепешки, баурсаки. Ответным было гостеприимство со стороны русских.

Вспоминаю в связи с этим мою тетушку по матери Маремьяну Гордеевну Плесовских, семья которой жила вначале в деревне Гари, потом в поселке лесозаготовителей — в Саургачах. Дом стоял около большой дороги, и самовар почти никогда не гасился. Люди, особенно татары, валили туда валом, зная, что не останутся без чая, закуски, услышат доброе приветное слово, на которое хозяйка была не скупа. Такими же выросли и ее шестеро детей. Я еще расскажу об этой семье более подробно.

В нашей деревне Дали тоже жило несколько татарских семей. Помню только по фамилии Саликовых, ну еще Кобурку, его сестру Катичу, их родителей, которые всегда были рады гостям, хотя чаще всего мы вваливались к ним в дом целой оравой и вели себя шумно. Кобурко обычно принимал участие в наших многочисленных играх, да и, чего греха таить, в проказах. Катичу я помню еще маленькой. Она всегда была с ним, но никогда не выдавала, что бы мы, мальчишки, ни делали.

В ТЕ ВОЕННЫЕ ГОДЫ жили в Курье и черемисы, и чуваша. Хорошо помню их фамилии — Кашутины, Ишутины, Трофимовы (последние жили в Далиях). Были это работающие люди, тихие, угодливые. Терялись перед каждым хамовитым сибиряком, особенно перед начальством, которое представляло чаще всего в лице бригадира, перед ним они чуть не снимали шапки.

Удивляло в их поведении и другое, какая-то беспомощность, что ли, перед обстоятельствами.

Как-то едет чуваш на лошадке, запряженной в сани. Воз сена на ферму, кажется, везет. Распряглась она в самый неподходящий момент, посреди деревни. Долго ли перепрячь ее? Может быть, чересседельник ослаб — подтяни. Супонь развязалась, дуга выпала — тоже не беда. Вставь ее, эту дугу, на место, затяни супонь у

скочил, есть и тут выход: безвыходного положения не бывает.

А он, этот мужичок, чуваш, стоит, руки скрючил и плачет. Шли мы, с пяток пацанов, увидели эту картину. Как не помочь человеку? Один кобылу в оглобли заводит, второй хомут на ее шею поправляет, третий — седелко. Через десять минут — готово. Езжай дальше. Обрадовался седок, даже забыл спасибо сказать. Все на руки дует, а мороз-то каких-нибудь градусов тридцать, не более, был.

Иногда эту беспомощность мы использовали и во зло. Едет иной такой вот беспомощный. Хватаем то замерзший снег, то лошадиные глызки — и ну пулять в него. А он только голову в плечи втянет и скорей коня погонять. Мы — за ним. Уговаривать озорников бесполезно. В таком случае тот же сибиряк сделал бы простое дело. Сошел бы с саней, поймал одного-другого и надрал уши. Жаловаться ты бы к родителям не пошел: добавили бы еще. Но в следующий раз бы подумал, надо ли так шутить?

Изю всех приезжих чувашей мне более всего запомнился Артемка, мой сверстник, худенький, с невеселым личиком мальчишка, у которого вечно текло из ушей. Он был безобиден, никогда не ввязывался в наши шумные, доходящие иной раз до драки, игрища и всегда стоял в сторонке. Смотрел на происходящее глазами постороннего, и его как будто и не существовало, хотя он был тут же, рядом с нами.

Но были среди чувашей и смелые люди, которые могли постоять и за себя, и за колхозное добро.

Около Курьи, рядом с «большой» дорогой, ведущей на Дали, было поле, на котором сеяли горох. Учужая, что он начинал поспевать (нравилась «плашки»), сельская ребятня, и я в том числе, хаживали на это поле целыми ватагами и воровали горох. Но как обмануть сторожа-чуваша (не помню его фамилии, кажется, Ишутин-старик?) Половина нас принималась на одной стороне поля орать и стучать палками, остальные смело шли на поле с другой стороны и набивали стручками мешочки, разные там корзинки, а то и запикивали сорванное прямо под рубахи. А больше всего — вытапывали созревающее поле.

Как отвадить это воинство?

Поначалу дед бежал на оталекающий маневр. Но ребятки и не думали рвать горох. Как только появлялся сторож, они по одному тотчас исчезали в леске, между деревьями (они, как солдаты, окружали польце). Грабили другие.

Но в очередной набег наши попытки пресеклись самым прозаическим образом.

Как обычно, разделившись на две половины —

одна орать, другая красть горох, — мы двинулись в сторону полюбившегося нам поля. И делали так, как договорились. Мы кричали-стучали. Но, странное дело, сторож не спешил к нам. Зато там, где остальные обирали гороховище, неожиданно раздались вопли, плач.

Позднее оказалось, что дед, запасшись хорошими вязанками крапивы, а заодно и прутьями, двинулся совсем в противоположную от нас сторону и принялся запикивать эту жальющуюся траву в штаны воришкам, а других от души стегать прутом. Ясно, что ни о какой добыче не могло быть и речи. Наши друзья мигом очистили поле, спасаясь от деда.

Второй раз нам делать набег на горох как-то не хотелось, благо он и дома оказался, на своих грядах неплох. Зачем же тащиться в поле за несколько километров, если по тебе походит прут, а зад будет с неделю гореть, как наскипидаренный, и ты не смеешь пожаловаться в таком случае ни отцу, ни матери. Ну его, этот горох: дед надолго отучил нас заглядывать на чужое.

В РАЗГАР ВОЙНЫ к нам привезли немцев с Поволжья. Приняли их у нас в деревне по-разному. Одни с откровенной неприязнью: «фашисты». Другие — с недоверием: посмотрим, как вы еще себя будете вести. Третьи — равнодушно и холодно. Были и такие, которым хоть трава не расти, им все до фени. Но самое интересное, что эти «фашисты» как-то сразу вошли в коллектив. От работы они не отказывались, хотя на первых порах жили и похуже во много раз, чем старожилы, не имели и теплой одежды (жилье им сразу дали). Они оказались людьми трудолюбивыми, да и порядочными во всех отношениях, хотя вели себя чаще всего замкнуто.

Что касается их ребяткишек, то мы учились с ними вместе. Я сидел за одной партой в начальной школе с самым настоящим немчонком — Андреем Цинном и делился нередко с ним куском хлеба, помогали друг другу решать задачки по арифметике.

Немцы были не только старательными. Они живо интересовались техникой и становились механизаторами, да такими, которым можно было еще позавидовать. Тот же Андрей Андреевич Цинн, отец маленького Андрейки.

Вырос сын — тоже стал трактористом и работал, пока его не свалил рак, болезнь. Он трудился в местном колхозе, отмечен разными наградами, был боевой общественник, председатель группы народных контролеров. То же самое можно было бы сказать и о его брате — Сашке, который продолжает традицию покойного и так же на добром счету в этом хозяйстве. Их мать столь же добросовестно, до самой пенсии, работала в колхозе.

[Продолжение следует].

